

12+

A woman with long brown hair, wearing a dark blue medieval-style dress and a light-colored apron, stands in the foreground. She holds a large wooden spoon and looks up at a crown hanging on a stone wall. The crown is ornate with many sharp points and icicles hanging from it. In the background, a large, illuminated castle sits on a cliff under a dramatic, sunset sky. Two wooden tubs with steam rising from them are in the lower right.

ВЕНЕЦ НА ГВОЗДЕ

МАША ТУСИНА

Мария Тусина

Венец на гвозде

<https://litres.ru/74148069>

ISBN 9785006996557

Аннотация

Бывшая королева, говорящая ласточка и мыши-дипломаты против ржавых гвоздей, подгоревшей каши и одной маленькой проблемы в подвале.

Миранелла сняла венец. Сама, по своей воле — просто устала быть королевой. Теперь она живёт в замке с дырявой крышей, единственным советником в лице нахальной ласточки Проши и полным отсутствием кулинарных талантов.

Но это ещё цветочки. Оказывается, в подвале замка тысячу лет дремлет нечто, что очень недовольно тем, что венец сняли.

Содержание

Венец на гвозде	5
Глава 1. Ласточка в рукаве, или О том, как важно иногда снять корону	6
Глава 2. Чай с ласточкой, или О пользе ржавых гвоздей	19
Глава 3. О том, как важно следить за фундаментом, или Где наши мыши не прятались	37
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Венец на гвозде

Мария Тусина

© Мария Тусина, 2026

ISBN 978-5-0069-9655-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Венец на гвозде

Глава 1. Ласточка в рукаве, или О том, как важно иногда снять корону

Давным-давно, когда мир был моложе, а туманы — наглее, стоял на высокой скале замок Враненхор. Скала как скала, замок как замок, только сырость и величие в одном флаконе. И жила в том замке Королева Миранелла. Люди прозвали её Туманной, потому что никто не видел её улыбки, а взгляд тёмных глаз, казалось, пронизывал саму душу и требовал отчёта за все несъеденные овощи.

На голове Миранеллы красовался дивный венец из серебра и лунного камня, с острыми шипами, которые спускались вдоль щёк, словно крылья ночной птицы или очень неудобные наушники. Говорили, что этот венец — не просто украшение, а ключ ко всем тайнам мира и дар самой Хозяйки Туманов. Королева могла призвать непогоду, заставить реки течь вспять и говорить с ветром.

— Скучно, — сказала она однажды ветру. Ветер подул и улетел. Разговорчивый, ничего не скажешь.

В замке царила вечная тишина. Ни смеха, ни птиц, ни то-

пота детских ног. Только шорох платья по камням. Королева была бессмертна, но страшно одинока. Каждый вечер она выходила на стену, вглядывалась в молочную дымку и ждала. Сама не зная чего. То ли принца на белом коне, то ли просто кого-нибудь, кто спросит: «Ты чего такая кислая? Чай будешь?»

Однажды осенью, когда туман был особенно густ и настырен, на стену упал маленький комочек — замёрзшая ласточка. Она пыталась улететь на юг, но буря сбила её с пути, и она упала без сил у ног Королевы. Миранелла хотела было позвать слуг, чтобы убрали «пернатую пыль», но вдруг заметила, как часто бьётся крошечное сердечко под серыми пёрышками. Бьётся, и всё тут. Не слушается никаких приказов.

Она поднесла ласточку к лицу, чтобы рассмотреть получше, и острый шип её венца случайно оцарапал птице крыло. В тот же миг ласточка... заговорила. Не по-птичьи, а тонким, скрипучим, но совершенно человеческим голоском:

— Ой, блин, — сказала ласточка. — Ты смотри, куда ты каешь, царевна!

Королева изумилась. За тысячу лет с ней так никто не разговаривал. Даже ветер, и тот был вежливее.

— Ты... говоришь? — спросила она.

— А то! — Ласточка попыталась пошевелить крылом и скривилась. — Ой, больно. Слушай, занеси в тепло, а? Тут дубак такой, что перья дыбом. И вообще, чего ты на стене стоишь? У тебя же замок есть. Или ты тут памятник?

— Я королева.

— Ну и что? Королевы тоже мёрзнут. Вон нос красный.

Миранелла машинально потрогала нос. Нос и правда был холодный.

— Ладно, — сказала она. — Пошли.

В покоях королевы было тепло, но мрачновато. Камень, драпировки, свечи. Ничего живого, кроме пары засушенных трав под потолком.

— У тебя тут склеп, а не комната, — заявила ласточка, оглядевшись. — Окна хоть открываешь?

— Зачем?

— Чтобы воздух был! Чтобы проветривать! Ты чем дышишь вообще?

— Воздухом, — растерялась Миранелла.

— Спёртым воздухом ты дышишь. Давай открывай. И согрей меня, я замёрзла.

Королева, которая никогда никого не слушалась, открыла окно. Потом закутала ласточку в платок и посадила на подушку.

Ласточка посмотрела на неё долгим взглядом.

— Слушай, — сказала она. — А как тебя зовут-то?

— Миранелла.

— А меня Проша.

Проша оказалась ужасно болтливой. Она не боялась грозной Королевы, критиковала её стряпню и требовала открывать окна.

— Каша каменная, — сказала она, попробовав. — Соль есть?

— Конечно.

— А ты класть пробовала?

— Зачем?

Проша закатила глаза. Считала до трёх.

— Ладно, — сказала она. — Давай так. Я тебя научу кашу варить. А ты меня не выбрасываешь на улицу. Идёт?

— Ты хочешь... остаться?

— А куда я с раненым крылом полечу? На юг опоздала, тут зима скоро. Буду у тебя жить. Заодно посмотрю, как вы тут, короли, существуете.

Миранелла смотрела на неё и чувствовала странное тепло в груди. Такое бывает, когда долго сидишь в холоде, а потом заходишь в тёплую комнату. Только она сидела в холоде не час и не день — она сидела в нём столетиями.

— Хорошо, — сказала она. — Оставайся.

И началась новая жизнь.

— Миранелла, вставай! Уже утро!

— Я не сплю.

— Ты лежишь с открытыми глазами и смотришь в потолок

— это и есть сон?

— Я думаю.

— О чём можно думать в такую рань?

— О... вечном.

— О вечном она думает! Ты лучше о завтраке подумай. Вчерашняя каша кончилась, надо новую варить. Давай вставай, я покажу, как солить.

— Проша, я королева.

— А королевы не завтракают?

— Завтракают. Но обычно им приносят.

— Кто приносит?

— Слуги.

— И где они?

Миранелла огляделась. Слуг действительно не было видно. Они как-то рассосались за последние пару недель. То ли обиделись, то ли просто забыли, что здесь кто-то живёт.

— Не знаю, — призналась она.

— Вот! Поэтому вставай и иди на кухню. Я буду командовать.

На кухне Проша сидела на шкафу и давала указания.

— Мешай. Теперь соли. Нет, не так много! Ты что, людей травить собралась? Убавь огонь. Теперь попробуй.

Миранелла попробовала.

— Вкусно, — удивилась она.

— А то! Я хоть и ласточка, а в еде понимаю. Мы, ласточки, всю жизнь еду ищем, так что разбираемся.

— А почему ты раньше не сказала, что умеешь готовить?

— Ты не спрашивала. Ты вообще ничего не спрашивала. Ты только смотрела в туман и вздыхала.

— Я не вздыхала.

— Вздыхала. Я с первого дня слышу. Ты вздыхаешь, как старая дверь. Научись уже дышать ровно.

Миранелла хотела обидеться, но вместо этого почему-то улыбнулась.

Зима подступала медленно, но верно. Проша всё чаще поглядывала в окно, и взгляд у неё становился беспокойный.

— Ты на юг хочешь? — спросила Миранелла.

— Молчи.

— Я не держу. Если надо — лети.

— Дура, — буркнула Проша. — Как я полечу? Кто тебе кашу солить будет?

Но в голосе её было что-то не то.

Наступил день, когда выпал первый снег. Миранелла стояла на стене, держа Прошу на ладони.

— Красиво, — сказала Проша.

— Да.

— Но холодно.

— Да.

— Мира, я не могу улететь.

— Почему?

— Потому что ты без меня пропадёшь.

Миранелла смотрела на снежинки, тающие на пёрышках, и вдруг поняла то, что не понимала столетиями.

— Венец даёт власть над ветром и туманом, — тихо сказала она. — Но не над тем, чтобы кто-то остался, потому что сам хочет.

Она сняла венец и положила на каменный зуб. Шипы погасли. Туман начал рассеиваться.

— Ты чего? — испугалась Проша. — Надень обратно! Замерзнешь!

— Я не замёрзну. Слушай. Ты можешь лететь. Я не держу.

Но если захочешь вернуться — знай: в моём замке для тебя всегда есть окно. Я его теперь открытым держать буду. Даже зимой.

Проша посмотрела на неё чёрной бусинкой глаза.

— Дура, — сказала она. — Какая же ты дура.

И юркнула в рукав. Забралась поглубже, к теплу.

— Там холодно у тебя, — буркнула она. — Грей давай. Какой юг? На юге таких дурных королев нет.

Из-за туч выглянуло солнце.

А потом потекла крыша.

— Мира! — заорала Проша из спальни. — У нас потоп! На кровать капает!

Миранелла принесла ведро. Потом второе. Потом третье. Вёдер больше не было, а капало уже в четырёх местах.

— Раньше магия держала, — вздохнула Миранелла. — А теперь нет.

— И что делать?

— Чинить, наверное. Самим.

— А гвозди есть?

— В кладовке. Ржавые, от прабабки остались.

— Ржавые — значит, крепкие, — кивнула Проша. — Моя бабка говорила: всё, что старое и ржавое, — самое надёжное. Время проверило.

В кладовке на стене торчал большой ржавый гвоздь. На нём висела маленькая картина — женщина, похожая на Миранеллу, но улыбающаяся.

— Бабка, — сказала Миранелла. — Тоже королева. Тоже с венцом.

— А чего улыбается?

— Не знаю. Наверное, был повод.

— А у тебя?

Миранелла посмотрела на свои руки — красные, с обломанными ногтями и синим пальцем, который она вчера при-

щемила. Посмотрела на Прошу, на ведро с водой, на ржавый гвоздь.

— Знаешь, — сказала она, — кажется, да.

Вечером они сидели в спальне, слушали, как капает в ведро, и пили чай.

— Прош, — сказала Миранелла. — А что мне теперь делать? Без венца?

— Жить.

— Это как?

— Есть. Пить. Спать. Чинить крышу. Разговаривать.

— С кем?

— Со мной. С собой. С гвоздями в конце концов. Они ржавые, но разговорчивые, если прислушаться.

В ведро капнуло. Потом ещё.

— Крыша течёт, — сказала Миранелла.

— Ага.

— Надо чинить.

— Ага.

— А гвозди ржавые.

— Самые лучшие.

Миранелла хотела возмутиться, но вместо этого почему-то рассмеялась. И смех этот разнёсся по пустым коридорам, отразился от мокрых стен и, кажется, даже немного согрел воздух.

Жизнь, как выяснилось, только начиналась. С текущей крышей, синим пальцем и разговорчивой ласточкой под мышкой.

Глава 2. Чай с ласточкой, или О пользе ржавых гвоздей

Утро в замке Враненхор напоминало агонию. Бывшая королева Миранелла героически пыталась расцепить веки, а маленькая ласточка по имени Проша, выныривая из-под её подмышки, делала это с таким видом, будто только что спасла мир от неминуемой катастрофы.

— Там мышь! — выпалила Проша, и её голос прозвучал как боевая труба. — В кладовке. Я видела. Она толстая. Наглая. У неё, кажется, свои планы на нашу крупу.

Миранелла приоткрыла один глаз. За окном было серо, холодно и, судя по звуку, мокро. Осень — единственное время года, которое она раньше любила за туманы и драматичность, теперь просто капало ей на голову, потому что крыша над спальней протекла уже в трёх местах.

— Мыши — это хорошо, — сказала Миранелла в подушку. — Мыши — это жизнь.

— Ты чего? — Проша перелетела с подушки на тумбочку и склонила голову набок, рассматривая королеву с профес-

сиональным интересом врача, который подозревает у пациента температурный бред. — Мыши — это плохо. Они крупу съедят.

— Пусть едят. У нас всё равно крупы нет.

— А что есть?

Миранелла задумалась. Это было сложное утро. Вообще последние недели были сложными. С тех пор как она сняла венец и магия перестала работать, выяснилось много неприятных вещей. Например, что готовить еду — это отдельный навык, который не прилагается к умению повелевать туманами. Что стирать платье — это надо. Что дрова сами в камин не прыгают, даже если очень красиво на них посмотреть.

— Есть ржавый гвоздь, — вспомнила Миранелла. — В стене, в тронном зале. Мы его в прошлый раз не до конца забили.

— Гвоздь мы не съедим, — резонно заметила Проша.

— Зато можем на него что-нибудь повесить.

— Что?

— Не знаю. Надежду.

Проша помолчала, перебирая клювом перья на крыле. Она уже привыкла, что после потери венца королева стала говорить странные вещи. Раньше, с венцом, она говорила странные вещи торжественно и красиво, и это называлось «пророчества» и «заклинания». Теперь это называлось «странные вещи».

— Слушай, — сказала наконец ласточка, — а может, нам просто сходить к соседям?

— К каким соседям?

— Ну, внизу, в деревне. Там же люди живут. Ты у них правишь, вообще-то.

Миранелла села на кровати и посмотрела на Прошу с искренним удивлением.

— Какая же я дура, — сказала она.

— Я давно тебе это говорю, но ты не слушала, потому что у тебя был венец и ты думала, что раз ты можешь вызывать грозу, то умнее всех.

— Я не думала, что я умнее всех. Я думала, что я — королева, а королевы не ходят в деревню занимать крупу. Это ниже моего... ниже того места, где раньше был венец.

— А что делают королевы, когда у них нет крупы?

Миранелла открыла рот и закрыла. Хороший вопрос. Чем её учили в детстве? Этикету, стрельбе из лука, умению принимать послов и разбираться в ядах. Крупа в программу не входила. Видимо, предполагалось, что крупа будет появляться сама, по щелчку пальцев или по мановению венца. Венец ушёл, крупа — следом.

— Ладно, — сказала она решительно. — Идём в деревню.

— Мы?

— Ну да. Ты — моя советница и глава протокола.

— Я ласточка.

— Ты говорящая ласточка. Это сильно повышает твой статус. При дворе таких вообще не было.

Деревня называлась Нижние Камни, и до неё было минут пятнадцать пешком вниз по тропинке. Миранелла шла в

своём единственном тёплом платье — том самом, в котором стояла на стене, когда ждала спасения. Платье было красивое, тёмно-коричневое с золотом, но для осеннего утра не слишком практичное. Подол мгновенно намок и оттягивал плечи.

Проша сидела у неё на плече и молчала, что было редкостью и потому настораживало.

— Ты чего молчишь? — спросила Миранелла, перешагивая через особо большую лужу.

— Думаю.

— О чём?

— О том, что люди в деревне, наверное, удивятся, когда увидят королеву. Они же тебя только издалека видели. На стене. В тумане.

— Ну и что?

— А то, — Проша почесала лапкой голову, — что на стене, в тумане и в венце ты выглядела... ну... величественно. А сейчас ты выглядишь как мокрая женщина, у которой на плече сидит мокрая ласточка.

Миранелла остановилась.

— Ты хочешь сказать, что авторитет может пострадать?

— Я хочу сказать, что если ты сейчас придёшь и скажешь «я ваша королева, дайте крупы», они могут не поверить. Потому что королевы, по их мнению, не мокнут и не занимают крупу.

— А что делают королевы по их мнению?

— Пьют вино из золотых кубков и едят лебедей.

— Я никогда не ела лебедей.

— Они не знают.

Миранелла посмотрела на свои руки. Руки были обычные, человеческие, с обломанными ногтями. Вчера она пыталась починить дверь в кладовку и стукнула молотком по пальцу. Палец распух и теперь синел под кольцом, которое когда-то носила её мать, а до матери — бабка. Тоже королевы. И наверняка умевшие делать что-то, кроме как стоять на стене и смотреть в туман.

— Знаешь, — сказала она Проше, — а ведь они все умерли. Мать, бабушка, прабабушка. Все носили этот венец, все стояли на стене. И ни одна не додумалась снять его и пойти в деревню занимать крупу.

— Почему?

— Наверное, думали, что без венца они — никто.

— А ты?

— А я думаю, что без венца я — просто мокрая дура с синим пальцем. Но при этом я иду в деревню занимать крупу. И это уже прогресс.

Проша хмыкнула — насколько ласточка вообще может хмыкнуть.

— Прогресс — это когда у тебя будет крупа, — сказала она. — А пока это просто ходьба под дождём.

Деревня их встретила тишиной, густой и тягучей, как кисель. Миранелла постучалась в первый дом. Дверь открыла женщина в фартуке, с руками по локоть в муке. Выглядела она так, будто только что выиграла битву с тестом.

— Чего надо? — спросила женщина, и её голос прозвучал как удар скалкой по столу.

Миранелла собралась было выдать что-то величественное, но Проша на плече чихнула так громко, что величественное как-то само собой рассосалось.

— Здравствуйте, — сказала Миранелла. — Я из замка.

— Из какого? — Женщина прищурилась.

— Из того, что наверху. Который.

— А-а, — протянула женщина с пониманием. — Из развалин?

— Почему из развалин?! — возмутилась Миранелла, и её синий палец гневно дёрнулся.

— Ну как... крыша же течёт, говорят. И дыма давно не видно. Мы уж думали, там никто не живёт.

— Живёт, — вздохнула Миранелла. — Я вот живу.

Женщина окинула её долгим, профессиональным взглядом мясника, оценивающего вырезку. Потом перевела

взгляд на платье, потом на ласточку.

— Ты, никак, та самая? Королева?

— Ну... да.

— А чего без короны?

— Корона тяжёлая. И вообще я её сняла.

Женщина моргнула. Потом вдруг улыбнулась — широко, по-деревенски, с ямочками на щеках.

— Ну заходи, королева. Раз сняла — заходи. Мукой измазаться, не побрезгуешь?

Миранелла зашла.

Внутри пахло хлебом, теплом и чем-то таким, отчего у бывшей королевы защипало в носу. Так пахнет жизнь, когда она не заперта в каменном мешке с видом на туман. Жизнь пахла пирожками.

— Меня, кстати, тётя Глаша зовут, — сказала женщина, с грохотом ставя на стол пузатый чайник. — А тебя как величать-то?

— Миранелла.

— Мира... чего? — тётя Глаша наморщила лоб.

— Можно Мира. Или Нелла. Или... — Миранелла запнулась. — Слушай, а можно я просто Мирой буду? Я никогда не пробовала.

— Попробуй, — тётя Глаша махнула рукой. — Мира так Мира. Чай будешь?

— Буду.

Чай был травяным, с мёдом, и пах он так, будто в кружку заварили всё лето целиком. Миранелла вдруг осознала, что за двести с лишним лет своей жизни (она сбилась со счёту, венец путал время) она никогда не пила чай на чужой кухне. Никогда. Это было странное, щемящее чувство, будто она всю жизнь стояла за стеклом, а теперь стекло разбилось.

— Ты чего носом хлопаешь? — спросила Проша, заглядывая королеве в лицо с бесцеремонностью врача-хирурга.

— Не хлопаю. Чай горячий.

— Врёшь.

— Ну, вру немного, — прошептала Миранелла.

Тётя Глаша поставила на стол миску с пирожками, от которых исходил пар, и уселась напротив, подперев голову рукой.

— Рассказывай, — сказала она просто. — С чем пришла?

Миранелла вытерла глаза рукавом. Платью было уже всё равно.

— С крупой, — выпалила она. — У меня крупа кончилась. Вообще. И еда. И дрова. И крыша течёт. И палец, — она выставила вперёд синюю конечность, — видишь, похож на спелую сливу.

Тётя Глаша осмотрела палец, платье, ласточку, снова палец.

— Ну, — протянула она, — крупа у меня есть. Дровами поделюсь. Крышу мужики поправят, у меня муж и два сына, они могут. А палец... палец я мазью бабкиной намажу. От всех ушибов, даже от королевских.

— А что я должна взамен? — спросила Миранелла, и в её голосе прорезалась старая, гордая интонация. — Я же королева. Я должна... ну, править или что-то давать взамен.

Тётя Глаша задумалась.

— А туман можешь разогнать? — спросила она, глядя в окно. — Третью неделю моросит, бельё гниёт заживо.

Миранелла вздохнула.

— Раньше могла. Теперь нет. Венец сняла.

— Жалко, — констатировала тётя Глаша. — Ну, тогда просто рассказывай. Сказки там, про старину. Мы тут сидим, скукотища смертная. А ты из замка, поди, много чего навидалась.

— Навидалась, — кивнула Миранелла.

— Ну вот. Крупа за истории. Идёт?

Миранелла переглянулась с Прошей. Ласточка, сидевшая на краю стола, уже всюю клевала пирожок, делая вид, что это так и было задумано.

— Идёт, — сказала Миранелла и, отодвинув гордость, взяла второй пирожок.

Она просидела у тётки Глаши до самого вечера. Рассказала, как бабка превращала туман в зверей, и однажды случайно сделала зайца, который потом три дня прыгал по коридорам и пугал послов. Как прабабка поссорилась с ветром, и ветер обиделся и дул три года только в одну сторону, из-за чего у всех замковых жителей шеи стали кривыми. Про то, как венец делали, и что лунные камни на нём — на самом деле не лунные, а просто стёкла, но никто не знает, потому что королевы тысячи лет делали вид, что это магия.

— А на самом деле магия была? — спросила тётка Глаша.

— Была, — кивнула Миранелла. — Но она не в камнях была. Она в венце была. А венец... ну, он просто лежит на стене.

— Почему сняла-то?

Миранелла задумалась. Как объяснить, что ты сняла венец, потому что ласточка научила тебя быть живой? Что магия — это хорошо, но утром просыпаться и слышать чьё-то дыхание (пусть даже птичье) — лучше? Что быть бессмертной и одинокой — это не то же самое, что быть смертной,

но с пирожками?

— Устала, — сказала она просто. — От венца плечи болят.

Тётя Глаша кивнула так, будто услышала что-то до боли знакомое.

— Это да, — сказала она. — У меня вот от ведёр с водой плечи болят.

Они помолчали.

— Слушай, — встрепенулась вдруг тётя Глаша. — А ты замуж не думала? У меня сын старший, Петька, неженатый. Работящий, молчит много, но это даже хорошо, будете в тишине сидеть, друг друга не раздражать.

— Тётя Глаша! — возмущённо пискнула Проша, выронив крошку.

— А что? Королева, симпатичная, одинокая. Мой Петька хоть и молчун, но хозяйственный. Крышу починит, дров наколет.

Миранелла рассмеялась. Сначала тихо, а потом так, что

слёзы брызнули из глаз, и она никак не могла остановиться. Это был смех длиною в двести лет.

— Тётя Глаша, я же двести лет прожила. Я для твоего Петьки как прапрабабка.

— Ну и что? Зато с опытом. Молодёжь сейчас бестолковая, а ты уже всё знаешь.

— Я не всё. Я только туманы умела. А крупу не умею.

— Крупа — это не магия, — наставительно сказала тётя Глаша. — Это дело житейское. Научишься.

Домой Миранелла возвращалась с мешком гречки, банкой чудодейственной мази, обещанием дров и странным, пузырящимся чувством в груди. Проша сидела на мешке, сытая и философски настроенная.

— Знаешь, — сказала Миранелла, когда они подошли к воротам замка, — а я ведь думала, что если сниму венец — стану никем.

— А стала кем? — сонно спросила Проша.

— Стала просто Мирой. У которой есть тётя Глаша, синий

палец и пирожок в кармане.

— Пирожок мой.

— Подавишься.

Она вошла во двор. Замок стоял на месте, мокрый, старый, с текущей крышей и ржавым гвоздём в стене. Но теперь это был просто дом. Холодный, неудобный, но дом. А дом можно починить. Дровами, крупой и разговорами.

Миранелла поднялась на стену. Там, среди камней, белел забытый венец. Она взяла его в руки. Тяжёлый. Холодный. Красивый, как воспоминание о прошлой жизни.

— Выкинь, — сказала Проша. — Или в переплавку. На гвозди.

— На гвозди? — Миранелла уставилась на ласточку. — Ты предлагаешь пустить королевский венец на гвозди?

— А что? Гвозди нужнее. Вон, крышу чинить.

Миранелла подумала. Потом улыбнулась — той самой улыбкой, которой у неё не было все двести лет.

— Нет. Пусть полежит.

— Зачем?

— Он красивый.

Проша чуть подумала и кивнула. Мира ласково постучала пальцем по венцу, спустилась вниз и, громыхая, полезла искать молоток.

Наутро в замке Враненхор пахло кашей. Не туманом, не плесенью, а самой настоящей, живой, гречневой кашей. Миранелла стояла у плиты, мешала деревянной ложкой и чувствовала себя волшебницей, только вместо заклинаний у неё была соль и немного масла.

В дверь постучали. Миранелла пошла открывать, вытирая руки о платье.

В дверь постучали. Миранелла пошла открывать. На пороге стоял высокий парень, очень похожий на тётю Глашу, с дровами в руках и красными от смущения ушами.

— Здрасьте, — сказал он. — Я Петька. Мама сказала дрова принести и спросить, не надо ли крышу посмотреть.

— Надо, — кивнула Миранелла. — Заходи. Кашу бу-

дешь?

Петька зашёл. Уши у него стали ещё краснее.

Проша на шкафу одобрительно чирикнула.

— Ну вот, — сказала она самой себе. — И мазь пригодилась, и дрова, и даже Петька. А говорила — никто.

Жизнь, как выяснилось, была штукой до неприличия простой. Главное — иногда снимать корону и не бояться испачкать руки в муке. Или быть просто ласточкой, которая знает, когда надо чихнуть. Или просто тем, кто умеет варить кашу и говорить с соседями.

Всё остальное приложится.

Даже гвозди.

Глава 3. О том, как важно следить за фундаментом, или Где наши мыши не прятались

Утро в замке больше не начиналось с тишины. Теперь его будил мерный стук молотка где-то над головой. Петька, верный своему слову, являлся с рассветом и чинил крышу с упрямством, достойным рыцаря, осаждающего неприступную крепость.

Миранелла открыла один глаз. Под мышкой, свернувшись крошечным пернатым клубком, спала Проша. Ласточка за последние недели обнаглела окончательно — спала теперь только в кровати, на подушке, а если Мира пыталась возражать, принимала вид оскорблённой королевской особы, перед которой меркнут все бывшие королевы вместе взятые.

— Доброе утро, — прошептала Мира, осторожно выбираясь из-под одеяла.

— Недоброе, — немедленно отозвалась Проша, даже не разлепляя глаз. — В кладовке мыши. Я слышала, как они скребутся. Всю ночь. И ты, между прочим, тоже слышала, просто притворялась, что спишь.

— Я не притворялась.

— Ты храпела. А королевы не храпят. Это научный факт.

— Я больше не королева, — сонно улынулась Мира. — Храпящая бывшая королева — звучит как титул для сказки с плохим концом.

Мира накинула платье (то самое, подол которого уже напоминал лоскутное одеяло из заплаток) и побрела ставить чайник.

Петька, завидев её в окно, смущённо махнул рукой и чуть не свалился со стремянки. За последние недели он освоился настолько, что перестал краснеть при каждом слове Миры, но всё ещё краснел, когда она улыбалась. Это было даже мило.

— Крупа снова кончается, — сообщила Проша, усаживаясь на плечо и критически оглядывая кухонные запасы. — Надо сходить в деревню. К тётке Глаше.

— Я знаю. — Мира насыпала крупу в кастрюлю, стараясь не думать о том, что это, кажется, последняя. — Но сначала нужно закончить с гвоздём.

— С каким ещё гвоздём?

— В тронном зале. Тот, что я вчера не смогла...

Проша вздохнула так, будто несла на своих крыльях всю тяжесть замкового хозяйства.

— Мира. Ты бывшая королева. Ты не должна забивать гвозди.

— А что я должна делать? Сидеть и ждать, пока всё само починится?

— Ну... да? — Проша склонила голову. — Ты же королева. У тебя есть подданные. Например, тот парень на крыше.

— Я бывшая королева. И у меня только бывшие подданные. Петька — сын тёти Глаши, и он и так делает для нас больше, чем нужно.

— Тогда нанимай его официально. Плати жалованье.

— Чем? — Мира обвела рукой кухню. — Гвоздями?

Вопрос повис в воздухе, и обе одновременно посмотрели

на стену, где на старом, ещё королевском гвозде висел венец. Проша передёрнула крыльями.

— Не смей. Мы уже это обсуждали.

— Я и не собиралась, — Мира отвернулась. — Просто прикидываю, сколько гвоздей можно выменять на один венец. Рынок, знаешь ли, нестабильный.

Проша подавилась воздухом, но не нашлась с ответом.

Мира не сказала, что вчера, проходя мимо, заметила странное — будто венец чуть качнулся сам собой. Наверное, сквозняк. Хотя сквозняков в замке стало заметно меньше после того, как Петька заделал большую часть дыр в крыше. И это было даже тревожно — она привыкла к тому, что замок живёт своей жизнью, дышит, стонет, жалуется на старость. А теперь он притих. Слишком притих.

— Ладно, — сказала она, размешивая кашу. — С гвоздём я сама. Потом схожу в деревню. А ты пока... не воюй с мышами.

Проша сделала вид, что не расслышала.

Тронный зал встретил Миру пылью и запахом старого

камня. Гвоздь торчал там, где она его вчера оставила, то есть нигде: он выпал сразу, когда Мира попыталась повесить на него лопату.

— Я справлюсь, — пробормотала она, поднимая молоток.
— Это же просто гвоздь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.